

ПРОХОДИМШЫ

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Сергей Александров

Проходимцы

«Издательские решения»

Александров С.

Проходимцы / С. Александров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968838-5

Автор предупреждает: Это — не АЛЬТЕРНАТИВНАЯ история! Это — альтернативная история альтернативной истории. То есть — что бы было там, где что-то могло бы быть, если бы этого не было... Ведь, как ни странно, всегда в любой истории можно найти определённые точки — точки бифуркации. Из них, как ветки из ствола дерева, могут расти одновременно разные, зачастую прямо противоположные события. Вопрос «От чего зависит — пойдёт ли История по той или иной ветке?» автор и попытался исследовать в романе.

ISBN 978-5-44-968838-5

© Александров С.
© Издательские решения

Содержание

ПРОХОДИМЦЫ	6
Интермедия	6
Один из нас	6
1.1	7
1.2	8
1.3	9
НЕМНОГО В СТОРОНУ	10
ГЛОССАРИЙ	11
История первая	16
ПАЗЛ	16
ЛЁНЬКА	16
1.1	20
1.2	21
1.3	22
1.4	23
1.5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Проходимцы

Сергей Александров

© Сергей Александров, 2019

ISBN 978-5-4496-8838-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОХОДИМЦЫ (найденные записки Бродяги)

Интермедия

Один из нас

*«Следует понять, что нашими врагами
тоже движет идея поисков счастья.
Все живые существа хотят того же,
чего хотим и мы».*
Его Святейшество Далай-Лама IV
*(из речи «Всеобщая ответственность
и милосердие», 1973 год)*

25.11.2016 год.

Москва, Лубянская площадь.

Из оперативного обзора по отделу П-4 за неделю

(для служебного пользования, копия в отдел... МИД)

«...18 ноября 2016 года Его Святейшество Далай-Лама IV, прибыв в Улан Батор с официальным визитом, имел встречу и продолжительную беседу с руководителями Монголии и деятелями культуры, после чего дал пресс-конференцию. 23 ноября, перед своим отбытием, Его Святейшество посетил действующий монастырь Гандан, где встретился со старшими священнослужителями монастыря, которые провели его к 26-метровой позолоченной статуе Мэгд-жида Джанрайсэга – бодхисаттвы милосердия Авалокитешвара – посвященной VIII Богдохану...

25 ноября три священнослужителя монастыря Гандан сели на утренний самолёт Boeing 767—300 Mongolian Airlines рейса ОМ 135 «Улан-Батор – Москва». Ровно через 6 часов 58 минут, выйдя из самолёта в аэропорту «Шереметьево», они попытались затеряться в толпе летевших тем же рейсом тибетских монахов в шафрановых тогах. Агенту-наблюдателю Болор-цецег Жаргал объявлено предупреждение в связи с возможным её раскрытием...

В 19 часов 03 минуты трое мужчин азиатской внешности, невысокого роста, в серых пуховиках и в синих одинаковых вязаных шапочках с надписью «ADIDADDOS» вышли на станции «Дмитров» из электрички «Москва-Дубна» Савеловского направления. На привокзальной площади наблюдаемые объекты взяли частного на автомашине «Волга 2101» (госномер К074РТ 177) и проследовали на ней до микрорайона «Космонавты». Покинув автомобиль, наблюдаемые объекты зашли в магазин «Пятёрочка». Через сорок минут агент-наблюдатель сам вошел в этот магазин, предварительно направив помощника следить за задней дверью магазина. Тщательный осмотр всех помещений магазина агентом в течение полутора часов никаких результатов не дал. Расспросы продавцов, кассиров и грузчиков так же не прояснили ситуацию. Наблюдаемые объекты исчезли...

Фотографии исчезнувших объектов прилагаются.

Эти же фотографии объектов розданы всем штатным и внештатным полевым агентам отдела, а так же всему личному составу полиции и ДПС г. Дмитрова – согласно «Распоряжению о взаимодействии» №22/15 от 08 февраля 2010 года.

На момент написания рапорта – 22 часа 45 минут – поиски объектов результатов не дали.

Оперативному агенту-наблюдателю Синицыну В. П. и его внештатному помощнику Куприянович О. С. объявлено взыскание.

Кординатором в проведении дальнейших превентивных мероприятий по отработке.....
Старший контролёр подразделения «Н»
отдела «П-4» при 13 Управлении ФСБ
капитан Шухтуев А. С.»

1.1

*«Что-то с памятью моей стало:
Всё, что было не со мной – помню...»*

Хозяин небольшого, ещё крепенького, дома, стоящего в глубине уже давно облысевших зарослей сирени по улице Подъячева, лежал в гостиной на старенькой дедовой тахте и бездумно пялился в давно уже не белёный потолок.

После переезда в этот домик из трёхкомнатной квартиры лет восемнадцать назад те немногие старые знакомцы, что раньше приходили к нему, уже благополучно успели позабыть о его существовании, а новые жили далеко, и потому теперь уже мало кто навещал его в этом жилище.

Мать через полгода после переезда тихонько умерла – светло и беспечально, как обычно люди её возраста, сидя на прогретой августовским солнышком лавочке в глубине небольшого аккуратного садика, что был за домом. Не ушла. Просто – умерла...

Дети, забрав с собой внуков, давно уж разъехались по городам и весям всего земного шарика...

Да-а, поразбросало их... Евгения теперь работает главным инженером на солидном предприятии где-то в Приморском крае. Павел, женившись в третий раз, уехал к супруге на её «историческую родину» – и теперь изредка названивает из Хайфы. Дарья уже лет десять как – после окончания Питерского Универа – работает переводчиком в посольстве одной из стран Латинской Америки. Присылает к праздникам красивые открытки с роскошными видами океана и песчаных пляжей – с пальмами и с мулатками. Будто он этих пляжей и пальм за свою жизнь ни разу не видел... И океаны видел, и в Хайфе, и на Дальнем Востоке – много где успел побывать... А для чего – спрашивается? Просто – чтобы самолюбие своё потешить? Доказать – кому, непонятно – что тоже не лыком шит? Кому какая польза от того? Только самому себе... Да и Юрка...

Ход невесёлых мыслей прервал тихий перезвон колокольчика над входной дверью.

– Иду, иду. Сейчас, открою...

Мужчина, найдя ногами старые тапочки со стоптанными задниками, пошаркал в маленькую прихожую. Потянув за позеленевшую от времени фигурную дверную ручку, он отворил дверь...

И замер. За открытой – родной деревянной – дверью стояла ещё одна: отливающая стальным мутным блеском, без каких-либо замочных скважин, с ручкой, похожей на небольшую человеческую ладонь.

Пожав плечами, хозяин дома взялся за ручку этой, невесть откуда появившейся, чужой двери – и отворил и её тоже.

На улице шел ледяной дождь вперемешку со снегом. Большущий незнакомый, серый с чёрной макушкой, кот с тёмными раскосыми глазами, невозмутимо сидевший на крыльце под дождём – когда-то, наверное, пушистый и важный, а теперь казавшийся жалким в своей мокрой взъерошенной шубе – недовольно муркнув, по-хозяйски, неспеша, прошел в открытые двери, и сел на половичёк в прихожей.

– Что, не могли, как все люди нормальные, заявиться, да? Опять цирк устраиваете. И не надоело? – непонятно кому выговорил мужчина и стал закрывать родную деревянную дверь.

Стальная дверь непостижимым образом вдруг стала деформироваться, одновременно вползая в пока ещё приоткрытую дверь дома. За ней порывом возникшего вдруг ниоткуда ветра в прихожую плеснуло холодной водой. Когда же хозяин, наконец-то справившись с дверной задвижкой, обернулся, то увидел перед собою трех невысоких мужчин. У одного с мокрой куртки-пуховика исчезали остатки кошачьей шерсти, другой чёрной вязаной шапочкой в руке разминал лицо, постепенно приобретающее слегка красноватый – вместо серо-стального – оттенок, а третий... Третий старался незаметно подтереть половичком приличную лужу у себя под ногами – и лужа эта, как ни странно, стремительно уменьшалась в размерах, пока совсем не исчезла, оставив после себя совершенно сухой пол и такой же сухой, хоть и скомканный, домотканый половик...

Отодвинув рукою странных гостей, мужчина прошел обратно в гостиную. И, только после того, как сел за старый круглый стол, застеленный ажурной скатёркой, предварительно выставив на него взятый из буфета графин и четыре маленькие рюмочки дымчатого зелено-вато-синего стекла, он повернул лицо к скромно топтавшимся в прихожей поздним гостям:

– Чё ждёте-то? Заходите уж...

1.2

За неделю до этого.

В одиночестве отпраздновал «День артиллерии». Помянул батю. Поставил диск с тщательно отобранными старыми военными песнями...

Включил телевизор. Передавали вечерние новости. Всё как обычно – идиоты в Госдуме, уставший Лавров, безуспешно пытающийся доказать очевидное своему упёртому американскому визави, очередное заседание Совбеза ООН, кадры корреспондентов из Алеппо, потом – снова кадры из Сирии, потом...

Потом экран телевизора почему-то стал вдруг совершенно голубым, как на старых компьютерных мониторах, а лица – практически чёрными, будто бы их поменяли на негативное изображение. Несколько раз мигнула включенная лампочка в бра над тахтой. Картинка в телевизоре «поплыла» – и сменилась на чьё-то одно, во весь экран, лицо. В динамиках затрещало. Потом стихло, и неестественное чёрно-белое лицо в телевизоре вдруг зашлёпало губами. Раздался Юркин голос, по-прежнему – молодой и звонкий, как и тридцать лет назад.

– Я ухожу. Месяц назад была несанкционированно открыта новая Дверь. Теперь временным сквозняком выдувает все установочные аномалии. Все, что мог – сделал. Блокаду поставил. Но – неустойчиво всё – сам понимаешь... Наши о тебе до сих пор не догадываются – так что не бзди. Потому и прошу тебя – передай тем, кто придёт, эти цифры...

И чёрные, в пол-экрана губы, продиктовали шесть пар чисел.

– Попытайтесь полностью закрыть эту Дверь. Прощай. Может, ещё и свидимся. Там... Меня и Раиса – помяни...

Лампочка в бра снова мигнула. Изображение в телевизоре сразу моментально обрело привычные краски и глубину. Возникший голос журналиста в каске и бронеке что-то говорил на камеру о неожиданном непонятном взрыве, произошедшем в плотной застройке домов в тылу террористов буквально несколько минут назад... С беспилотника продемонстрировали столб пыли и дыма, поднимающегося над одним из кварталов города...

Я выключил телевизор.

Достал из холодильника литровую банку морса, налил в стакан. Пошарил на средней буфетной полке – за стопкой фарфоровых тарелочек лежал маленький полиэтиленовый пакетик с крошечными, в разноцветных фантиках, мятными конфетками-леденцами.

Морс жидким азотом проморозил горло. Как тогда – квас...

И нахлынули воспоминания...

1.3

– Ксюша! Тут Вас молодой человек спрашивает. Совсем-совсем молодой... А я вот думаю – на что он Вам, а? Вы же солидная замужняя женщина. Подарите лучше этого молодого человека мне! Ксения! Ну, где же Вы там? Ау-у...

Молодая смуглая девушка стояла у полуотворенной калитки и, вглядываясь в роскошную белую кипень цветущих яблонь, звала хозяйку этого весеннего буйства жизни...

Рядом с девушкой переминался с ноги на ногу, явно куда-то торопясь, невысокий крепко сбитый паренёк, в одной руке держащий свёрнутою трубочкой газету, а другой старающийся аккуратно отобрать обшарпанный фибровый чемоданчик из руки молодой балагуристой смуглянки.

– Анастасия, ну зачем же ты так говоришь? Не надоело ещё играть молодыми людьми, – вдруг раздался приятный грудной голос. Ветви одной из цветущих яблонь разомкнулись – как тяжелый бархат роскошного шатрового полога, и перед ироничной смуглянкой и пареньком предстала – будто бы выплыла из белоснежного облака – высокая стройная женщина в простом льняном сарафане, перехваченным в талии обыкновенной бечёвкой, и в широкополой соломенной шляпе, из-под которой тяжелым водопадом падали на плечи роскошные русые волосы.

Удивительно доброе и по-матерински заботливое лицо женщины совсем не портил маленький круглый белёсый шрамик-пятнышко над левой бровью. Наоборот, он придавал ей какое-то слегка вопросительное выражение из-за чуть приподнятой к этому шраму брови...

– Насть, зачем моего гостя смущаешь? Вот, смотри, совсем парня в краску вогнала. Да и чемодан отдай ему, а то ручку уже скоро оторвёте с мясом на пару с ним...

– Больно мне нужен, этот его чемодан! Пусть забирает! – в притворном раздражении произнесла смуглянка, а глаза её смеялись, приглашая продолжить игру.

– Извините, Анастасия, не знаю вашего отчества, но мне действительно необходимо срочно переговорить с Ксенией Михайловной. А не с Вами, – твёрдо произнёс, справившись со своим смущением, паренёк...

– Отчество! Какой позор на мои седины! – в наигранном негодовании всплеснув руками, сердито запрочитала девушка. – Что, я уже так сильно постарела? Так паршиво выгляжу, да? О, эти неблагодарные мужчины! Стоило только вот этому нахалу и грубияну позволить проводить себя со станции к этой вот калитке – так всё! «Увидел Ксению – и померкла Дева! Ла-ла-ла...» Я уже дряхлая старуха, полная развалина, да? Клюки мне не хватает!.. Ну, и секретничайте здесь меж собой, без меня! Вот ещё! Больно мне надо!..

И взбалмошная смуглянка, гордо подняв голову, тряхнула своими кудряшками, и, чеканя строевой шаг по пыли босоножками, пошла прочь от калитки. Дойдя до поворота, она вдруг оглянулась, широко улыбнулась и, помахав рукой, крикнула:

– Ксю-уша! И Вы, грубиян! Приходите потом ко мне. У меня ещё варенье клубничное с прошлого года осталось! Одной не съесть!.. А то мой Сёма такое варенье не любит...

И – скрылась за поворотом...

– Что ж, молодой человек, прошу, – Ксения распахнула калитку и отошла, пропуская гостя впереди себя. – Извините, что не прибрано, – добавила она, когда они вошли в дом. – Старший – у мамы. А младшенькая – с няней гуляет. Скоро придут... Да вы садитесь, садитесь...

– Ксения Михайловна, я к Вам совсем на минуточку. Мне только Вам передать надо кое-что. И – всё. А то – опоздаю на станцию. Поезд, понимаете ли, ждать не будет...

Только сейчас хозяйка разглядела паренька. Явно не славянское лицо с выступающими скулами, слегка приплюснутым широким носом и немного раскосыми глазами. Но – акцента никакого не чувствовалось...

– Вы только ничего не спрашивайте, ладно? Я всё равно ничего не добавлю... Ничего ещё ведь не определено, пока... Ну, это так. Просто – слушайте и запоминайте. Хорошо?.. Так вот – когда Вы с детьми в октябре будете уезжать, пусть Ваш супруг устроит так, чтобы Вы отправились в Астрахань. Не куда-нибудь ещё, а именно – в Астрахань! Запомнили? В Астрахани, в Старом городе, найдёте тетушку Фариду Рахимову. Попроситесь к ней – только к ней – на постой... Ну, вот и всё, я пошел...

Только сейчас Ксения поняла, что перед ней совсем не молодой паренёк, а, практически, почти что, её ровесник – 26-27-ми летний мужчина, непонятно почему притворяющийся 17-ти летним...

Мужчина неожиданно развернулся и быстро направился к выходу.

Непонятное оцепенение, в начале этого сумбурного монолога вдруг охватившее молодую женщину, прошло буквально через несколько мгновений после того, как незнакомец вышел из дома. Ксения спохватилась. Ойкнула...

– Вы – кто? Вас-то как зовут? Как Ваше имя? – крикнула она в распахнутую дверь. Потом выскочила в палисадник и побежала к калитке.

На пыльной дачной улице никого не было. Ксения посмотрела под ноги. Следы от ботинок незнакомца обрывались сразу за калиткою, перекрываясь мельтешением следов от Настинных босоножек – как будто бы он с этого места взлетел. Или – просто исчез...

Через два с половиной года они вновь встретятся. Но уже – совсем в другом месте. И – будут рядом друг с другом до конца её жизни. Только вот она о том так и не узнает...

Но – узнает потом – совсем уже в Другое время, в Другой Истории, в Другой жизни.

А он – так и не скажет о том ничего... Потому что где-то рядом будет его – смешливо-серьёзная, в поседевших за войну кудряшках – другая...

Министр иностранных дел Монголии Ц. Мөнх-Оргил заявил во вторник, 19 декабря 2016 года, что «Монголия в будущем не позволит Далай-ламе посетить страну», – передало 20 декабря китайское Информационное Агентство «Синьхуа».

НЕМНОГО В СТОРОНУ

«...иногда, изучая Историю, перелопачивая пласты столетий, начинаешь ловить себя на мысли, что то или иное событие, случившееся как в далёкие времена, так и совсем недавно, не то что бы маловероятно, но, зачастую – невероятно совсем. То есть – возможность того или иного явления исчезающее мала. И, тем не менее – эти события или явления происходят, как бы грубо, противоестественно и насильно впечатываясь в ткань Истории – и вот уже она расстилается перед нами совсем другим рисунком прошлого, настоящего или будущего. Поэтому задача каждого из нас...»

(Из Кодекса Проходимцев)

ГЛОССАРИЙ

Из словаря Ушакова:

ПРОХОДИМЕЦ, проходимца, муж. (разг. бран.). Человек, способный на всякие нечестные поступки, отъявленный мошенник, негодяй.

Из словаря Ожегова:

ПРОХОДИМЕЦ, -мца. м. (разг. презр.). Мошенник, негодяй, прохвост.

Из словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений. под. ред. Н. Абрамова:

См. бродяга – **проходимец**, авантюрист, бродяга; любитель ловить рыбу в мутной воде, протобестия, архиплут, арап, аферюга, побродяга, жох.

Из толкового словаря Ефремовой. Т. Ф.:

І м. местн. Проходящий через какую-либо местность человек; прохожий. ІІ м. разг. сниж. Плут, мошенник, пройдоха.

Из толкового словаря Даля:

Проходень м. церк. скиталец, бродяга; || проходень, проходим, проходимец, проходимка, прошлый человек, пришлец м. пройдоха, пройда об. пролаз, проныра, пройдошливый человек, хитрый плут, от которого ничего не уйдет. Прошлянка, проходимка ж. пройдошливая женщина; но || **проходимец и проходимка** также странник, путник, особенно идущий на поклонение, паломник. Человек с чужбины, проезжий, гость.

Из Указа «О собирании ратного дела люда для военной службы и пользы государевой» Иоанна IV Васильевича, Великого Князя и царя... всяя Руси:

«...Паче того обращать всё возможное старание на сыскание и вольное согласие любого проходима, паче странника со свойствами, характером мужеского али женского полу, имеющего желание бескорыстно искусство своё давати на пользу государству и войску государеву... Брать сих ценных людей на полный кошт, исполнять повеления их будто повеления самых больших воевод... Без препон в любой час допускать их до нас со всякими почестями и скоростью – как послов заморских. Абы кто препоны али кляузы чинить им буде, того в железо брати – как государевых изменщиков...»

Д. Яворницкий:

«... „Характерники“, которых ни огонь, ни вода, ни сабля, ни обычная пуля, кроме серебряной, не брали. Такие „характерники“ могли открывать без ключей замки, плавать на лодках по полу, как по морским волнам, переходить через реку по суконке из войлока или циновках из лозы, брать в голые руки раскаленные ядра, видеть за несколько слоев вокруг себя с помощью особых „верцаел“, находиться на дне реки, влезать и вылезать из туго завязанных и даже зашитых мешков, „кувыркаться“ в котлов, превращать людей в кусты, всадников в птиц, залезать в обычное ведро и плыть в нем под водой сотни, тысячи слоев... Так вот, они такими проходимцами были, что любой атаман за честь считал с ними и совет держать, и казаков своих доверял...».

Былина «Исцеление Ильи Муромского»

(запись в селе Сумароково Мокшанского уезду от 1828 году...)

«...И клюками стучат мимо странники,
Проходимцы, святые ходители...
И узрели они та детинушку,
Что недвижно лежит на завалинке...»

Из Велесовой книги:

(Полустёртый скол с дощечки «Прославление Триглава на о.Руян»):

...Славься Перун – бог Огнекудрий!
Он посылает стрелы во врагов,
Калёные стрелы, огнём востренные!
Он шлёт вперед своих лучших —
Тайными тропами, быстрыми водами,
Тенью пардусов – проходцев-бродяг и бродников
Верных ведет по стезе!
Он же воинам – честь и суд, праведен
Он – златорун, милосерд!..

Ригведа. Мандала IV, Гимн 30:

...16. Также тому сыну незамужней девицы, Проходимцу, Индра многомудрый Дал приобщиться к хвалебным песням.

«Махабхарата. Книга ЛЕСНАЯ. Вторая глава:

Вайшампаяна сказал: (ответ брахманам на просьбу сопроводить его в странствиях по мирам, жизням (перерождениям) и временам)

...Чтоб стать отрешенным (проходимцем, странником), мало разлучиться (с объектом привязанности); подлинно отрешился от близости (с ним) тот, зрит все её скверны, кому чужды мстительность и жажда обладания...

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОХОДИМЦЕВ, СОСТАВЛЕННАЯ 793 СТРАЖЕМ ПЕРВОЙ ДВЕРИ при ДИОНИСИЕМ ИЗ ГЕРКУЛАНУМА ЧЕРЕЗ 42 ГОДА СУБЪЕКТИВНОГО ВРЕМЕНИ ПОСЛЕ ОБРУШЕНИЯ НЕБА (2185 год по отмененному крхристианскому календарю)

1.

Категория: ПРОХОДИМЕЦ

Класс: ПРОСТРАНСТВЕННИК

Неофициальное название: ТЕЛЕПОРТАТОР (этимология слова связана, вероятно, со старинными техноартефактами или объектами – ТЕЛЕфоном, ТЕЛЕвизором, ТЕЛЕскопом, ТЕЛЕгой, ТЕЛЁнком, ТЕЛьяшкой, ТЕЛЕпузиком, ТЕЛЕпенем), ПЕРЕМЕЩАЛЬЩИК, ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ, ДЖАМПЕР (этимология слова неизвестна, возможно, восходит к упоминаемому в древних целлюлозных носителях слову ДЖЕМПЕР – вероятному одеянию ДЖАМПЕРА), ПОПРЫГУНЧИК

Устойчивость: НИЗКАЯ, при энергетических потерях стремление к развоплощению

Релевантность: ВЫСОКАЯ

Инициация: ДВИЖЕНИЯ ПО СЧЁТУ И ОРИЕНТИРУ ПРИ СООТВЕТСТВЕННОМ ДУШЕВНОМ НАСТРОЕ, СТРЕССЕ, ПОПАДАНИЕ В АНОМАЛЬНЫЕ ЗОНЫ, ЖИДКОСТНАЯ

Наследственность: СРЕДНЯЯ, ПРИ ДОБРОВОЛЬНОМ УХОДЕ, ВЕРБАЛЬНЫЙ КОНТАКТ ПРИ СМЕРТИ

Воздействие: НА ФИЗИЧЕСКОМ УРОВНЕ С ПОМОЩЬЮ ФИЗИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ НА ФИЗИЧЕСКИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Вероятность развоплощения (саморазрушения): ВЫСОКАЯ

2.

Категория: ПРОХОДИМЕЦ

Класс: ВРЕМЕННОК

Неофициальное название: ПОПАДАНЕЦ, ПУТЕШЕСТВЕННИК ВО ВРЕМЕНИ, АЛЬТЕРНАТИВЩИК, БЛУЖДАЛЬЩИК

Устойчивость: СРЕДНЯЯ, случаи спонтанного перехода в ХРОМОКИНЕТИКИ и обратно. Потенциальные ХРАНИТЕЛИ дверей.

Релевантность: ВЫСОКАЯ

Инициация: ФИЗИЧЕСКАЯ КОНТАКТНАЯ, ТАК ЖЕ – С ПОМОЩЬЮ ТЕХУСТРОЙСТВ ИЛИ АРТЕФАКТОВ, ИНОГДА – СТРЕСС, ПОПАДАНИЕ В ХРОНОКОЛОДЦЫ И ХРОНОЗОНЫ

Наследственность: НИЗКАЯ

Воздействие: НА ФИЗИЧЕСКОМ УРОВНЕ С ПОМОЩЬЮ ФИЗИЧЕСКОГО ИЛИ ЭФИРНОГО КОНТАКТА НА ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, ИМЕЮЩИЕ ВРЕМЕННУЮ ИСТОРИЮ, ТАК ЖЕ С ПОМОЩЬЮ ФИЗИЧЕСКОГО КОНТАКТА НА КОСВЕННЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ В ДРУГОМ ВРЕМЕННОМ ПОТОКЕ, А ТАК ЖЕ НА ВСЕ КЛАССЫ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ В ДАННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Вероятность развоплощения (саморазрушения): СРЕДНЯЯ

3.

Категория: ПРОХОДИМЕЦ

Класс: ХРОМОКИНЕТИК (*этимология слова малоизученна, вероятно, связана с повреждённой нижней конечностью, либо – с забытым паранормальным свойством обработанной кожи – хромом, возможным аналогом мифической шагрени; значение второй части слова полностью утеряно*)

Неофициальное название: ПРИЗРАК, ПРИВИДЕНИЕ, ПОЛТЕРГЕЙСТ (*этимология слова неизвестна*), БАРАБАШКА, ТЕНЬ и т. д.

Устойчивость: НИЗКАЯ, переход в более энергетически затратное состояние (*во ВРЕМЕННОК или в ПРОСТРАНСТВЕННОК*) может окончиться смертью или развоплощением носителя

Релевантность: СРЕДНЯЯ

Инициация: ПСИХОНАСТРОЙ, СТРЕСС, КЛИНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ (*смерть от КЛИНА? Или в специальном строении – КЛИНИКЕ? Этимология выясняется*), ПРОКЛЯТИЕ, ПОПАДАНИЕ В АНОМАЛЬНЫЕ ЗОНЫ, ВИРТУАЛЬНЫЙ ИЛИ ПСЕВДОФИЗИЧЕСКИЙ КОНТАКТ

Наследственность: ВЫСОКАЯ, ГЕННЫЕ МУТАЦИИ

Воздействие: ДИСТАНЦИОННО ИЛИ ОПОСРЕДОВАНО – НА МЕНТАЛЬНОМ ИЛИ ЭФИРНОМ УРОВНЯХ НА ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ИЛИ СОБЫТИЯ, ТАК ЖЕ – КОСВЕННО НА ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ

Вероятность развоплощения (саморазрушения): ВЫСОКАЯ

4.

Категория: ПРОХОДИМЕЦ

Класс: СТИХИЙНИК

Неофициальное название: ДУХ, ВЛАСТИТЕЛЬ СТИХИИ, ПРОВОДНИК, КОЛДУН, ВЕДЬМАК, БИЧ БОЖИЙ

Устойчивость: СРЕДНЯЯ

Релевантность: НИЗКАЯ

Инициация: НЕ УСТАНОВЛЕНА, ВОЗМОЖНО – ПОЛУРАЗВОПЛОЩЁННЫЕ ДЕМИУРГИ ИЛИ ЗАБЫТЫЕ БОГИ, ВПОЛНЕ ВЕРОЯТНО – ВОЗНЁСШИЙСЯ КОМБИ

Наследственность: НЕИЗВЕСТНО, ЗАФИКСИРОВАНЫ СЛУЧАИ ПРИ ПРИНУДИТЕЛЬНОМ УХОДЕ ИЛИ НАМЕРЕННОМ РАЗВОПЛОЩЕНИИ

Воздействие: ДИСТАНЦИОННО ИЛИ ОПОСРЕДОВАНО – С ПОМОЩЬЮ ОКРУЖАЮЩИХ ПРЕДМЕТОВ, А ТАК ЖЕ ОДНОЙ (РЕЖЕ – ДВУХ) ИЗ ШЕСТИ СТИХИЙ: ВОДА, ВОЗДУХ, ОГОНЬ, ЗЕМЛЯ (КАМЕНЬ), МЕТАЛЛ, ЭФИР – НА ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, А ТАК ЖЕ НА ДРУГИЕ КЛАССЫ, КРОМЕ, ВОЗМОЖНО, ДЕМИУРГОВ (нет данных)

Вероятность развоплощения (саморазрушения): НИЗКАЯ

5.

Категория: ПРОХОДИМЕЦ

Класс: КОМБИ (*традиционное название данного класса. Этимология слова связана, возможно, с непонятными архаичными словами КОМБИНезон, КОМБИнат, КОМБриг а, так же, вероятно, переименованное от – КАБМИН, слово, подразумевающее сборище высших сил*)

Неофициальное название: МАГ, БЕС, НЕЧИСТЫЙ (АЯ), СВЯТОЙ (АЯ)

Устойчивость: ВЫСОКАЯ

Релевантность: СРЕДНЯЯ

Инициация: ДВИЖЕНИЕМ ПО СЧЁТУ И ОРИЕНТИРУ, НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ, ПЕРЕХОД ИЗ ДРУГОГО КЛАССА С ПОМОЩЬЮ ТЕХУСТРОЙСТВ ИЛИ АРТЕФАКТОВ, НАСЛОЕНИЕ СУЩНОСТЕЙ ПРИ РОЖДЕНИИ ИЛИ СТРЕССЕ, СЛИВ ИЛИ ПЕРЕДАЧА ОТ ДРУГОГО ПРОХОДИМЦА

Наследственность: НУЛЕВАЯ, ИЛИ НИЗКАЯ – ПРИ ПЕРЕХОДЕ ИЗ ДРУГОГО КЛАССА

Воздействие: ДИСТАНЦИОННО – С ПОМОЩЬЮ СЛОВ ИЛИ Т.Н.ПАССОВ, А ТАК ЖЕ С ПОМОЩЬЮ АРТЕФАКТОВ ИЛИ ТЕХУСТРОЙСТВ – НА ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ИЛИ БЛИЖАЙШУЮ ЭФИРНУЮ СТРУКТУРУ РАСПОЛОЖЕННОЙ РЯДОМ МЕСТНОСТИ, А ТАК ЖЕ НА ВСЕ КЛАССЫ, КРОМЕ СТИХИЙНИКОВ И ДЕМИУРГОВ

Вероятность развоплощения (саморазрушения): СРЕДНЯЯ, обязательно – ДОБРОВОЛЬНАЯ

6.

Категория: ПРОХОДИМЕЦ

Класс: ДЕМИУРГ

Неофициальное название: ТВОРЕЦ, ДЕМОН, БОГ, ВСЕВЫШНИЙ И Т.Д.

Устойчивость: ВЫСОКАЯ

Релевантность: ВЫСОКАЯ

Инициация: ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТАКТ, ОБЛАДАНИЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ДВУМЯ КЛАССАМИ, СЛОВЕСНЫЙ ИЛИ МЫСЛЕННЫЙ ПОСЫЛ, ОБУЧЕНИЕ КОМБИ, ВОЗВЫШЕНИЕ ВЫСОКОУСТОЙЧИВЫХ И ВЫСОКОРЕЛЕВАНТНЫХ КЛАССОВ

Наследственность: НУЛЕВАЯ, ИЛИ НИЗКАЯ – ПРИ ВОЗВЫШЕНИИ ДРУГОГО КЛАССА

Воздействие: ПОЛНОСТЬЮ МЕНТАЛЬНОЕ, ОГРАНИЧЕНО ФАНТАЗИЕЙ, А ТАК ЖЕ ЭТИЧЕСКИМИ ИЛИ МОРАЛЬНЫМИ ПРИНЦИПАМИ КЛАССА, НЕ ОГРАНИЧЕНО В ПРОСТРАНСТВЕ, ВРЕМЕНИ И ВО ВСЕХ СЛОЯХ СУЩНОСТЕЙ И ЭФИРА НА ЛЮБЫЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ИЛИ ЭФИРНЫЕ ОБЪЕКТЫ, А ТАК ЖЕ НА НИЗШИЕ КЛАССЫ СО СРЕДНЕЙ ИЛИ НИЗКОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ, СПОСОБНОСТЬ К ИЗМЕНЕНИЮ В ОГРАНИЧЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВЫХ ЗАКОНОВ И ФИЗИЧЕСКИХ КОНСТАНТ НА НЕОГРАНИЧЕННО ДОЛГОЕ ВРЕМЯ

Вероятность развоплощения (саморазрушения): ВЫСОКАЯ, ВОЗМОЖНА ОТ ОПРЕДЕЛЁННОГО СЛОВА ИЛИ СПЕЦИАЛЬНЫМ ОБРАЗОМ СОСТАВЛЕННОЙ ФРАЗЫ

История первая

ПАЗЛ

*«Сто шагов назад – тихо на пальцах,
Лети, моя душа, не оставайся.
Сто шагов назад —
Притяженья больше нет».
(Из дошедшей информации по
древней мнемонике перемещений).*

ЛЁНЬКА

*В одну и ту же дверь дважды не выйдешь.
(первое правило)*

*1995 год. 26 июля. 18.23. Московская область, г. Дмитров, улица Московская. Кафе
«Волгуша». Третий столик у окна.*

Запись №41/203. (Аудио)

... – Это был приятель мой, Юрка. Проходимец... Тот ещё!

Да, за это тож выпить надо. Наливай...

А кто теперь работает? Все воруют или торгуют... Чем? Всем!...

А ты вот гришь – повезло.

Непонятно даже – кому... А вот так! Вишь – как. Что, культу голую не видел ни разу?
Во какое везение!..

Всё, всё. Не привлекаю я ни чьёго внимания...

Так вот уж повезло – не дай бог кому...

И не завидуй! Нечему...

Пользы мне от них, от этих самых Проходимцев – ноль. Даже ноль со знаком «минус».
Мнимая величина...

Кстати – а ты, чё, про Проходимцев чё знаешь? Нет? Ну-ну... Крепшее спишь, хе-хе...
А-а, какие пользы, гришь? Ха-ароший вопрос. Пользы – в смысле блага всякие материальные.
Или – протекции, «блат» по-современному...

Да в качестве предсказателей любая колода карт их переплюнет! Во!..

Нет, изменения планетарного масштаба или, хотя бы, одной страны – ну, или её части,
проходимцы «на раз» с-с-считывают. Со всеми вероятностными входами-выходами. Знаешь
такие слова? То-то!.. Если время у них о том рассказать есть. И кому – есть... Но и только.
Мне? Нее, ни сном, ни духом...

Чё – Сёма? Чё – тихо? Я уже почти восемьдесят..., ага, восемьдесят девять лет как Сёма...
И не какой-то там проходимец! Я – честный работяга... И ничё от этих бродяг, кроме гем-
морюю на вот это место... Кто смотрит? Пусть смотрят!..

Уже налил? Я и не заметил. Надо ж...

Так что – я от этих прохо..., ага, тссс, ничё не ждал и не жду. Вот...

А вот ты – и другие, почти все, ну, не все, а, в основном, те, кто с ними – неее, не обижа-
юсь!.. А ты – жук!.. – кто с ними знаком, вот! Те от них вечно ждут чего-то, преисполняются
различных надежд. Планы строят. На будущее своё. Или близких своих. Мечтают...

Нее, обожди, договорить дай! Чёрт, сбил! Про мечты, говоришь?..

Ага! Фигушки!

Где залезли – там и слезли. Да ещё задница в занозах. И дырки на коленях. Или башка в шишках. В крупнокалиберных. 7,62 миллиметра. Знаешь, такие. Оо, то-то же! Ну, ты понял... Ааа, н-неважно...

Забудь...

И – всё равно! Хотят! Желают! Жаждят... или – жаждют?! Не смотря ни на что! Ни на кого! Вот подай – и всё!..

Чё смотришь-то? Наливай...

Там же. 18.55.

Запись №41/204 (Аудио)

...Что – освежился? Или – освежевался, хе-хе. Ладно. Шутка юмора...

Воон, принес горячего, халдей, наконец-то. У мово папани он мигом бы за такую работу пинка в жопу.. Нии, никто не ругается... Ещё по маленькой... Закуси, на вот. А то потом снова... Вона я – почти как огурец! Учись, студент... Кхе-кхе! Не в то горло, паскуда!..

Чёрт, костыль упал! Воот, спасибо. Да вон, вместе со вторым к столику соседнему прислони. Дотянусь я, дотянусь...

На чём эт я прервался? Ах, да!

Нет, бывают иногда – ну, очень иногда! – исключения. Но тут уж ни от хотельщиков, ни от хотения ничего не зависит. Просто – так слепилось. Походя. Побочный, так сказать, эффект. «Издержки производства», – Юркино изречение... Какого-какого Юрки? Да вот с нами чуток посидел, ну, в свитере который и в джинсе потёртой... Трезвенник, мать его ети!

Ну, хрен с ним, не важно...

Так вот, «Старый» ему (Юрке, в смысле, кому ж ещё?) как-то рассказал, что в далёкие тридцатые годы – сам «Старый» тогда молодым был (да и я тоже – был, хе-хе, а тебя ешшо и в проекте не было, салага!), в Большом Доме работал, следователем, (он так говорил – Большой дом, я его не видел – не знаю. Забудь!) – вначале из-за вот таких «издержек» всех подряд под статью сгребали... Как тогда грили: «Был бы челаэк, а статья найдётся!», хе-хе... Кто говорил? Да не помню уж...

Ну, процедуры различные там, естественно, применяли – чтоб «ноги не сделали» – от тех времён это изречение. Какие процедуры? Всякие. Не дай бог нам испытать... Ведь никто не знал тогда, как эти самые Проходимцы ходят. И уходят... Потому и ломали все конечности. И – приковывали к стенам... Вот така процедура была. Апосля Лёньки-то... А потом, уже при Лаврентии опомнились. Самому доложили... Ну, шум, конечно, не поднимали. Всех, кто тогда усердие к арестованным проявлял, шустро собрали. Потом объявили просто – «Враги народа» – и наган в затылок... «Старого» тогда из заштатных губернских помощников – в столичные следаки, на замену «убывшим», в Большой Дом. Он – и порылся во всяких «Совершенно секретно». До 17-го и после... И на Егорыча наткнулся. Проходимца того ещё!

...А ты чё не ешь? И рюмка вона почти полная. Брезговайшь, что ли? Вот и пей, язва у него! У всех язва... Час назад хлестал – и про язву-то свою и не вспоминал... Я, вона, пенсионер лет уж тридцать как, и всю жисть с язвой... Даже – с двумя: одна дома с внуками сидит... Во-во, и закуси грибочком-то... Таак вот...

О Егорыче? О каком Егорыче? А-а-ах, да...

«Старый» быстро момент протумкал – и вытащил мужика из подвалов. А того уж – готовили к «процедуре». Что б потом – не вышел... Часа на два бы опоздал – и усё... Документами урки какого-то снабдил, денег чуток дал. И – всё. Вышел Егорыч... В смысле – ушёл. И только весной сорок первого объявился.

Тогда Старого из Питера в Москву перевели. Аккурат перед Майскими. Он со мной тож попрощаться заходил. Побла... лага... глад... В-общем – спасибо сказал... Э-э-э, знамо, за что... За кого... Ну, неважно... так.

Сбился снова... Ага! Значица, а третьего уже – заходит Старый в своём номере гостиницы «Москва» в ванную комнату в труселях – побриться-освежиться (У него уже чин был гебешный – ого-го!), а там – Егорыч. Сидит на краешке ванной. В форме какой-то непонятной, чуть ли – не белогвардейской, при погонах золотых, пуговицы с орлом о двух головах... И не постарел почти. Даже как-то моложавее стал. И солиднее. А был-то – доходяга-доходягой...

*1941 год. 05 мая. Москва. Гостиница «Москва». 4 этаж. №...
Запись №31/002.*

(Кинолѐнка и аудиозапись с последующими вставками – пояснениями интересующего лица и куратора отдела)

Голос Егорыча

(ЕГОРЫЧ. Проходимец.

Зафиксирован в 1934г. в «Крестах» следователем С. Т. А.

Класс: Комби.

Инициация: Передача наследственности...)

– Привет. Что, на работе задержался?

«Старый» виду не подает, что удивился появлению. У подъезда и на каждой лестничной площадке гостиницы – караульные – мышь не проскочит, не то, что чужой человек!.. Присел рядышком. Портсигар открытый протянул.

Егорыч:

– Ты ж знаешь – мы не курим. И не пьём.

– И здоровыми помрём, – докончил «Старый».

– Ну, я-то пока не собираюсь. И тебе не советую.

– Надо ж – советует он! От вас советов сто лет проживи – не дожدهшься!

– Ладно! – Егорыч хлопнул «Старого» по колену. – Не за тем вышел. Тут такое дело. Верь – не верь, а на ус мотай. Через полтора месяца война здесь начнётся. Большая. Тяжёлая. С немцами.

– Ха, удивил! Насчёт «большой, тяжёлой» – не знаю. А то, что будет – докладывают, чуть ли не по три раза на дню...

– Не перебивай! Слушай дальше: у германца тоже нашим братом занимаются. Да не так, как у нас. Немцы – они аккуратисты. И педантичны – дай бог нашим так же! Правда, у них и других проектов хватает. Но – семь-восемь выходов они уже нашупали. И главное – пять из них с помощью наших же. Тех, кто в эмиграцию уехал после революции.

– Ну, мы тоже не лыком шиты!

– Да молчи уж – «не лыком, не лыком...». Что – не знаю? Всего – пара Проходимцев. Из них один – годовой. У девки твоей – в смысле. Уже четыре выхода есть. Ей ещё восемь на короткое плечо или один длинный – и всё. Спеклась. В дурку отправите...

Егорыч замолчал.

«Всё верно он говорил. И то, что двое сейчас у нас (был третий, да конвойный-идиот! Видите ли, „показалось“ ему, – попытка к побегу! Какой нафиг побег для Проходимца?! Если он захочет – выйдет. И – всё!). И то, что один из Проходимцев – женщина. Вернее – двадцатитрёхлетняя девушка. Настёна (по другому позовёшь – и не откликнется. С норовом!). Правда – три выхода нашла именно она. И один – Раис. Башкир из Уфы. И выход – пальчики оближешь! Редкий очень – мерцающий. С трёхкратным периодом. У немчурь такого, небось, и нет!..»

– Нет у фрицев мерцающего, – будто пройдясь по мыслям, подтвердил Егорыч. – Пульсация с периодом в 50 лет есть. Она им и задарма не нужна – не живут столько. А мерцающего – нет. И этот факт обнадёживает... Где сейчас хромокинетика найдёшь? Так что – можешь обскакать фрицев-то, можешь...

– Да каких фрицев-то?

– Да немцев – кого же ещё... А, не бери в голову!.. Ладно. Ну, вроде бы – всё. Пора мне. И напоследок – совет. Не от Проходимца. От меня лично, которого ты шесть лет назад вытащил. Не дал сгинуть под пулей или в дурке... В общем – так: про Раиса немцы тоже знают. А Настёну твою уже почти списали. Вот и подыграй им. Упрячь девчонку в дурку. Забудь про неё до сорок третьего. Заблокируй в палате – сам знаешь, как. Но – береги её. Как самое ценное в Стране. Сбереги до срока. Дай ей пару пустычных выходов – и спрячь... Выходы – обставь, дезупусти... Да не в Москве спрячь, или, упаси Боже – в Питере. В смысле – в Ленинграде. Где нить к Волго, тьфу! к Сталинграду поближе. Подойдёт срок – поймёшь сам, что к чему... Да, и советую почитать германские легенды всякие там...

Егорыч чуть хмыкнул. Побарабанил пальцами по фаянсовой раковине. Вздохнул...

– А с мужем её что делать прикажешь? Он ведь – ни в зуб ногой. Любит её по-своему, бережёт... Его что – тоже заодно с ней – в больницу? Так ведь прослушивали не раз – не знает он о том, чем его жена занимается на самом деле-то. Всё думает, что машинисткой в машбюро у нас работает...

– С Семеном проще – как война начнётся, так и призовут его... Или – сам пойдёт. Добровольцем... Не мне тебя учить – как.

– А Раис?

– У вас же есть на него планы? Вот и используйте их. Да позатейливее, поизобретательнее... На крайняк – пусть на подхвате будет у девчушки. От него не уменьшится, да и прикрытие ей обеспечит... Да что я с тобой, как с маленьким – сам знаешь ведь, что да как!.. Ну, вроде бы – и всё. Ладно, пока. Дверь из ванной приоткрой – и посиди чуток. Покумекай. А я – на выход...

Через минуту в гостиничном номере Егорыча уже не было. Только занавеска защемила в закрытой снаружи балконной двери...

Конец кино-и-аудиозаписи.

– Во, понял! С собой постоянно эту запись таскаю...

Откуда-откуда... Оттуда! Чё, думаешь, бывший одноногий артиллерийский наводчик ни на что не годен больше, да? О! Все так думают. И Они – тоже... А я же, хе-хе-хе.. Я же – всё видел. С самого начала. Потому меня и взяли в тринадцатое управление... Так что – тссс! Молчок! И – не спрашивай ничего больше, понял?..

Нее, не надо таких жестов. Сам расплачусь! Во, всё. Тихо-тихо. Где костыли-то мои? Куда они, эти чертовы деревяшки, подевались, а?..

Конец записи

Как-то Юрка заявился под утро.

Обычно заявился. Звонком в дверь.

В шесть утра субботы.

Паразит!

Своих я ещё в пятницу днём отправил на электричке на дачу – вечером народищу будет! – не протолкнешься. Пусть развеются. А то – уж год после того, как отца машина в Дмитрове сбила, мать и Женька с Павликом и Дашкой словно стукнутые пыльным мешком по голове в квартире сидят – как дети беспомощные...

А сам до часу ночи над документами корпел. Да ещё машинку печатную заело что-то. И ленту жевать стала. Ну, пока то да сё – батюшки! – третий час уже!..

А в шесть звонок в дверь.

Открываю – Юрка стоит и лыбится...

Будто и не Проходимец он. А такой скромный обычный человек. Ну – очень скромный, ну – совсем обычный...

Зараза! Выспаться не дал!..

Прошли на кухню сразу.

Я – квасу из холодильника. Лебящий!

Хорошо! И сна уж нет.

А Юрец – минералки из шкафчика. Знает, где у меня минералка, гад!

Сели.

На столе – полпачки галетного печенья и горсть крохотных в разноцветных фантиках мятных леденцов в вазочке. Забугорных, етить их! Свои уж и делать разучились! А покупать иногда приходится. Дашка такие обожает – спасу нет!. Хотя и твержу ей, что вредно, но – кто ж в её возрасте папку слушает?..

За окошком солнышко начинает помаленьку вылезать на свет божий. Где-то внизу дворник-узбек ругается. Машина проехала...

Суббота. Выходной...

Юрка не выдержал первым:

– Ладно, извини уж. Не мог иначе. И позже тоже не мог...

– Угу. Не мог он, видите ли... Припёрся-то чего?

– «Старый» позавчера ушёл. Полностью.

– Как – ушёл? Он же в понедельник ещё ко мне в офис выходил. Аккурат к обеду. Посидели, поговорили. Я потом маме домой позвонил. Она вмиг примчалась! Ну, обнимания, целования, расспросы. Это ведь она его лет двадцать пять не видела. А он сколько – и не сосчитать! Выходы, небось, чуть ли не еженедельно делал, семижильный, хоть и тоща-тощдей... Он её по-прежнему – Настёной – называет. Хотя ей уже за семьдесят. Но – шустрая! Сам ведь знаешь...

– Знаю. Поэтому – к тебе и припёрся... У неё ж ещё один остался выход. Бережёт уж лет пятьдесят. Или – даже больше... После Паулюса... Ведь «Старый» обещался как-то ей показать «Самую Первую Дверь»... Пусть уж не знает. А то – тоже – полностью уйдёт. За ним... Так-то вот.

И только тут до меня дошло! Полностью – ушёл. Так говорят о Проходимцах, передавших своё умение кому-то другому... Проведших инициацию... Передаёшь умение – и растворяешься. В воздухе. Как призрак. И всё – нет человека. То есть – Проходимца... Так Егорыч «Старому» передал в пятьдесят четвёртом. Когда того под расстрельную по громкому делу подвели. И «Старый» ушёл. Из камеры... Как когда-то оболганный всеми Лёнька Пантелеев из Крестов...

– Кому?

– Тут, знаешь ли, такое дело. Он мне сам после всего велел к тебе через два дня прийти. Говорил – совесть у тебя не засоренная. Да – и по натуре ты... В общем – поймёшь его.

– Что понимать-то? Ты русским языком скажи...

– Так вот это самое, – Юрка через стол протянул мне сложенную лодочкой ладонь с налитой в неё минералкой. Когда и успел только в неё плеснуть? – Гляди!

И я посмотрел в это маленькое бездонное озеро...

1.1

Идёшь – иди и не оглядывайся.

*Уходишь – закрой за собой дверь.
(второе правило)*

Одиночка в Первом Исправдоме – место, совсем не поражающее своих постояльцев хоть каким бы то ни было комфортом. Узкие деревянные нары, в одном углу – стол и табурет, намертво присобаченные к холодному каменному полу. В противоположном углу – ведро с обязанностями «параши». Тусклая лампочка, забранная проволочной сеткой под высоченным потолком. Железная дверь со смотровой щелью и с запертым лотком. Некрашенные стены никогда не просыхают от влаги, почти видимо струящейся от крохотного решетчатого оконца вместе с ноябрьским дыханием близкой Невы на сырой пол узилища...

– Арестованный, на выход! – зубовным скрежетом лязгает полупудовая задвижка, дверь отворяется, и в распахнутом светлеющем проёме прорисовываются – как из тумана – фигуры конвойного с винтовкой и надзирателя со взведенным в руке наганом.

Лёнька усмехается коростой разбитых при задержании губ. От стены коридора до противоположной стены в камере с оконцем, слепо глядящим в уже темнеющее хмурое небо, еле еле набегаёт три метра. Мало. И коридор сам короткий – до поворота всего метров двенадцать с половиной. Его всегда до поворота водят. Потом – по лестницам. Потом – совсем маленький коридорчик с тупиком. В тупике – комнатка следователя...

– По сторонам не глядеть! Глаза – в пол! Вперёд! – Кожаная тужурка надзирателя маячит впереди. Сзади в спину почти упирается винтовочный ствол.

«Может, вызнали про Агриппину? – в который раз мелькает в Лёнькиной голове. – Вот и водят по закуткам... Неет, не может того быть. Но, всё одно – надо срочно что-то придумать. Завтра – суд. А потом – всё... Думай, дурная моя голова, думай, думай...»

1.2

...С бабкой Груней Лёнька познакомился случайно, ещё работая в Питерском ВЧК – после перевода из Пскова... У бабки бандиты при налёте на хозяйский дом «походя» зарезали сына-дворника, и дочку его трёхлетнюю хотели уложить парой выстрелов. Да что-то промахнулись. Пуля только клок кожи с волосёнками с детской головки сняла. А другая – вообще высоко отчего-то ушла... На выстрелы дворник с проходившими мимо солдатами набежали. Скрутили убивцев... А бабка в том доме буржуйском подрабатывала полумойщицей, и заодно жила там же – у сына в дворницкой, вместе с сыновей дочкой. Невестка вот уж год как преставилась от тифа, так баба Груня и была этой пигалице и за бабку, и за мамку... Буквально за полчаса до нападения Агриппина ушла в захиревшую харчевню при «Демутовом трактире», что на Большой Конюшенной рядом со знаменитым рестораном «Медведь». В харчевне, да иногда и в самом «Демутовом трактире» она за гроши и объедки прибиралась, да и посуду мыть помогала...

И вот, сидя у Лёньки в камерке-допросной, бабка Агриппина рассказала – как, наверное, никому ещё не рассказывала – про всю свою жизнь горемычную... Лёнька таких – и похожих на эту – историй за полгода работы в ЧК наслушался выше крыши. Но – тронула чем-то его эта бабка. Может – вспомнил умерших от голода в 20-м году в Тихвине своих родителей... А, может, оттого, что всей душой ненавидел тех, кто обижал незащитных и бедных людей; наверное, потому его в ЧК и послали работать... В общем – отпустил он её. Внучку бабкину из Обуховской больницы через пару дней принёс в дворницкую... И денжат подкинул – сколько выгреб из служебного сейфа, столько и дал. Насильно распахал по карманам куцей драной шубейки – пусть хоть кроха не голодает...

И потом не раз ещё, заглядывая в полуподвальную харчевню при гремевшем когда-то на весь Питер трактире, усаживал к себе за стол бедную, полоумную от навалившегося

горя забот, бабу и кормил её, выслушивая с великим терпением все её жалобы на жизнь и на судьбу...

1.3

Конец января 1922 года по сравнению с его серединой выдался и не таким уж и морозным.

В «Харчевне при Демуте» по случаю начала дня народу совсем и не было. Только совсем уж пьяненький матросик в изгвазданном мазутом бушлатике, сидя в тускло освещённом углу перед почти уж пустым водочным полуштофом, что-то громким шепотом доказывал своей тени, гигантским размытым пауком елозившей по стене с выцветшими засаленными обоями. Да сутулый жилистый хозяин заведения Кондратий лениво протирал ещё чистым полотенцем пару пивных кружек с давно уж отколотыми ручками. Да сопел, кемаря на своей табуреточке возле стойки, мальчишка-половой, привалившись боком к отопительной трубе...

Лёнька стряхнул с фуражки редкую снежную труху, передёрнул плечами, разгоня по успешему слегка подостыть телу кровь, и, кивнув с порога Кондрату: «Мне как обычно», прошел на своё любимое место – в самую глубину зала, за колонну, рядом с которой стоял уж давно не работающий граммофон с помятой и слегка облезшей жёлтой трубой.

Через пару минут степенно подошёл сам Кондратий, неся на подносе исходящую дрожавшим паром миску со вчерашним борщом, пару горбушек слегка черствого чёрного хлеба и запотевшую косушку, накрытую синеватой рюмочкой.

– Леонид Иваныч, вот, пожалте-с, – обмахнув столешницу всё тем же протирочным полотенцем, хозяин харчевни расставил перед Лёнькой принесённое. – Что ещё изволите-с?

– Да ладно тебе прогибаться-то, Кондрат. Присядь лучше рядышком-то... Тут такое дело... Хм-м. Надоела мне, понимаешь, Чрезвычайка, ушёл я из неё. Во как. И ведь теперь я как бы ровень с тобой. И никакой не начальник. Никому. Тока себе...

И, взглянув на вытянувшееся лицо пожилого мужчины, в глазах которого явно читалось сожаление пополам с облегчением и недоверием, хмыкнул. И добавил, отламывая кусочек хлеба от краюхи:

– Да не бойсь ты. При деньгах я – расплачусь за твои яства. Что встал? Присаживайся...

Кондрат вздохнул, уже без подобострастия, придвинув соседний табурет, присел на него и, кашлянув для приличия в кулак, спросил с деланным равнодушием, скорее угадывая, чем утверждая:

– А за что попёрли-то?

– За что, за что!.. Было б за что – к стенке сразу. – Лёнька черпанул из тарелки густоту, подул, отправил в рот, прожевал молча. Вздохнул. – У нас ведь, знаешь – слышал, небось – с этим строго... И – быстро... А тут – хренушки! Кадры им, видите ли, совсем другие теперь требуются. Профессиональные. С гуманизмом. Во! – Лёнька поднял ложку как восклицательный знак. Потом опять вздохнул, наклонился над тарелкой. Съел пару ложек. Помолчал мрачно...

– Ниччэ! Мы ещё повоюем, пулемёт им в задницу! Развели буржуев, понимаешь, жалеют кровососов... Стока людей хороших, революционно сознательных – и пинка под зад! Политика такая. А я на такую «политику» в 19-ом с братишками сколько пуль извёл! А щас, вишь, они, буржуи эти самые недорезанные, государству надобны... А мы – не надобны. Политика! Их давить надо! Давить!.. Эх...

Даа... Я – тоже вот... – неизвестно о чём сказал Кондрат. И стукнул кулаком по столешнице.

Дальше сидели молча.

Уже потом, разобравшись с косушкой, и потягивая неспеша принесённый Кондратом густой заваристый чай с двумя кусками колотого серого сахара на блюдце, словно отвечая на невысказанный вопрос, Лёнька чуть слышно спросил:

– По старой памяти – конуру какую-нить наверху не выделишь, а? Из общаги не сёдня-завтра попрут, так что, ежели пособишь, в долгу не останусь...

– Какие долги, Леонид Иванович! – картинно всплеснул руками Кондратий. И встав, зачистил, прихлопывая полотенцем себе по шее:

– Мы завсегда, со всей душой! Сёдни вечером изволите и заселить. Выделю наилучшую – в самом конце коридору! Чтоб соседи, значаца, не беспокоили... Семнадцатый номер. От сердца отрываю – как для своих родителей! Я насчёт этих номеров давно уж с хозяином «Демута» всё обговорил... – И, уже почти отойдя от стола, повернулся в полоборота к Лёньке и добавил, – Да, надясь Агриппина Иванна – баба Груня – вас чёй-то спрашивала. Ну, вечером, небось, опять придёт... А насчёт оплаты – эт вопрос мы разрешим, разрешим. Так что – всё будет как в кассе...

1.4

Вечером того же дня в филёнчатую облезшую дверку одной из тесных комнаток, получившихся от разгороженных фанерой и необъятными комодами бывших постояльских номеров «Демута», постучали. И тот час же голос Сеньки – мальчишки-полового – предупреждая вопрос «Кто?», зачистил:

– Леонид Иванович, эт я, Сенька. Батяня просил передать, что поломойщица пришла. Бабушка Агриппина... Вам как лучше – спуститься к нам, или чтобы она к Вам поднялась?

– Пушай подыметса. А то народу в зале, небось, уж навалило. И чаю принеси в самоварчике полуведёрном. И два стакана. С рафинадом и сухарями. На вот. – Дверь приоткрылась, и в Сенькину ладонь впихнули две мятые ассигнации... – И чтоб я тебя не видел и не слышал, ясно?..

Поломойщицу Агриппину Болеславовну Дырову, 65-ти лет от роду, уроженку села Сумарковице – Плевна, Болгария, в харчевне при «Трактире Демута», равно как и в других трактирах и гостиницах Питера, больше не видели...

Через полтора года, при проведении следственных мероприятий по «Делу о банде Леонида Пантёлкина» хозяин харчевни Кондратий Филимонович Красильников (51 года от роду, бобыль, уроженец города Тулы), и половой Семён Кондратьевич Красильников (16 лет от роду, не женат, уроженец города Полтавы), при допросе клялись и божились, что после того, как поломойщица баба Груня поднялась в «номер 17», она оттуда не выходила. Тело поломойщицы, равно как и её одежда, а так же следы насилия или кровопролития проведённый в вышеупомянутом номере самым тщательным образом обыск не обнаружил...

– Лёнька, помру я сёдни. Чую – помру... Сердце совсем одряхлело – аж вздохнуть больно. Не, не надо меня, бабку старую, жалеть. Пожила уж. Всякого видала – и хорошего, и плохого... Оттого и просьба у меня к тебе – Анастасию мою, внучку единственную, сбереги от лихого и от дурного...

Бывший чекист от такого – безо всяких предисловий – заявления даже вскочил со стула.

– Бабка, ты чё, совсем? Чё я, поп тебе – отпевать щас стану да исповедывать? Тут же не богадельня. И не надо мне здесь кончину свою устраивать! Тебе в церкву надо!.. Да и дитё приплела, на шею вешаешь! Как же – сберегу... Не умею беречь я!.. Да, может, сам я лихой и дурной, а? Недаром ведь в Чрезвычайке работал... А щас – вообще...

– Лёнь, грех это – на себя наговаривать. Эт снаружи ты такой весь грозный, тёмный и хмурый, да и со смертушкой рано для своих годков поручкался. Но изнутри – весь светишься.

Мне эт видно – я вона скока прожила... Чё скачешь вокруг стола. Садись давай. Вдвоём покумекаем...

– Покумекаем!.. Ну, и чё мне с твоей сиротой делать? В этой конуре трёхлетнюю соплюшку держать? У самого – ни кола-ни двора! И тута я – на птичьих правах... Батюшке с матушкой бы в Тихвин – да нет уж их... Даже не я – чужие люди схоронили. А я только через месяц на могилки-то их и смог приехать... Вот так вот... А тут – и ты помирать удумала... Тоже, значит, бросаешь... И-иих выыы!..

– Поплачь, Лёнь, поплачь, миленький – полегшает... И не стесняйся при бабке старой – чё светлых слёз стесняться-то?.. Слёзы – они сердце очищают и душу к Богу приближают... А ещё я тебе скажу что-то. Даже Феденьке, сынку моему убитому, я того не говорила... Тока ты преждя слёзы-то вытри, на тряпицу вот... А теперь слухай сюды – и молчи, пока бабка старая говорить будет. А то – плохо будет. И тебе, и мне...

1.5

Бабка Агриппина плеснула себе в стакан чаю, взяла кусочек сахару и, пососав его почти что беззубым ртом, отложила на блюще. Вздохнула, мелко перекрестилась на пустой угол и повернула к Лёньке своё лицо с просветлевшими и оттого сделавшимися вдруг огромными глазами.

– Я, Лёнь, бабка не простая. Я – из Проходимцев... Не-е, не о тех думаешь: они так – шелуха человеческая. А через ту шелуху и нас плохо поминают. А ведь Мы – Мы многое что можем. Правда – не для себя – для других... И я вот хочу, чтоб ты тоже – мог. Я хочу своё – тебе передать. Не всё – половину только. Вторую я в Анастасию вложила. Она пока крохотная, ничего не понимает – потому и не может попользоваться даром энтим. А вот тебе я скажу – как и что...

Мне это мой покойный батюшка передал – чтоб турок поганый меня насильничать не смог...

Не перебивай бабку! Молчи!

Запомни. Главное – шаги и двери. Иди спиной к не тобой – запомни – не тобой! открытой двери. Сам дверь можешь только закрывать за собой, стоя лицом к ней. Иначе больше не выйдешь никуда...

Хочешь во вчера уйти – спиной на запад. Хочешь – в завтрева – на восток повертись спиною. Оглядываться – упаси боже. Даже – ежели покличет кто. Или прикажет там – ни-и-и, нельзя ни в коем разе. На скока дней выход хочешь – столько десятков шагов сделай... Самое маленькое – десять шагов – эт, значит, на сутки вперед иль назад... Шаги – любые, короткие али широкие, хошь – приставные. Но одинаковы штоб, понял?

Но – как я уж тебе сказала, только половину своего умения тебе отдала. Уж извиняй меня, старую... Так что во вчерашний али в завтрашний дни лучше тебе не соваться без крайней на то нужды: силы жизненные эти шаги высосут из тебя – и опомнится не успеешь, как растаешь... Так что, милай, эт у тебя на самый крайний случай – ежели прижмёт очень, что и не вздохнуть...

Теперь – основные шаги. Запоминай внимательно! Не игрушки тебе даю, а умение, что посурьезней и пострашнее твоего нагана и твоей ВЧКи.

Ежели на север спиной пойдёшь – останешься в сегодня, но – в другое место придёшь. Какое припомнишь, представишь – в то и попадёшь. Хоть – на луну! Главное – чтоб в том месте дверь была заперта. Я всегда в комод хозяина, у которого прибиралась раньше, входила – его редко отпирали. Иногда – в один из склепов на Благовещенском кладбище. Заранее выбирала – который уже никто давно не посещает...

Ходить на север следует на цыпочках – не на всю ступню вставать, только на носки. Шагов считать не треба – главное, чтоб за спиной до двери прямая свободная линия была метров на пятнадцать. Можно даже по воздуху или по воде. Не бойсь – не потопнешь. И в голове всегда держи ту дверь, в которую войти собираешься. Как картинку вообрази – и цепко держи... И не бойсь, что кто заметит. Ежели в голове всё вообразишь хорошо – тенью станешь, дымкою. Никто и не увидит. Во как... Да, и дверь за собою закрыть не забывай. Никогда не забывай, понял?

На юг – самое трудное. На него не ходят – в него прыгают. Тоже спиною. Можно с балкона какого или из окна... Или – со скалы... И дверь в пути не нужна. Но высота та же, что и длина на север – не менее пятнадцати метров... Когда на юг вертаешься – попадаешь в то место, где был три часа назад того же дня. Так что оказаться можешь – где угодно. И в реке, и под конкой. Ежели не помнишь – где три часа до того был. Так что – с югом поосторожнее... Сама я раза два югом-то и попользовалась. Страшно всё-таки.

Всё запомнил? И самое важное – никому в том не открывайся без нужды... И ещё – когда во вчера или в завтра идёшь – чтоб рядом никого не было, кто мог бы путь пересечь. Иначе беда. Уйдёшь насовсем. В Последнюю Дверь...

С собой можно кого хошь провести. За руку возьми – и веди. Тока – как я уж сказала – молча. А попутчик – тот может хошь говорить, хошь – песни горланить. Всё одно – пройдёт через дверь – память ему отшибёт напрочь о том. Будто и не было ничего...

И ещё – между переходами передышку делай. Хотя бы полмесяца-месяц. А лучше – два. Иначе – высосут из тебя Двери все соки, все твои силы. И – где-нибудь застрянешь: в стене там кирпичной или в дереве...

Вообще – чем дальше переход – в особенности на запад или на восток – не на один или два дня, а на неделю или месяц, или, даже, год, тем больше нужен перерыв. То же – и по дальности... Я на так далеко – на полгода – всего раз ходила. Как только оправились от туретчины. Батюшку свою хотела спасти – из того сарая, где его с перебитыми ногами оставила. Да не вышло вот. Нельзя нам для себя благо делать. Правило есть такое... Так вот, потом чуть богу душу не отдала, силы года четыре копила. Поэтому – береги себя и силы свои рассчитывай... Веди счёт своим выходам – и помни тот счёт лучше, чем «Отче наш»!

А вот как узнать – можно уже выход делать али нет – тебе сам твой организм подскажет... Ты к нему прислушивайся.

И – напоследок. Ходить надо всегда со светлой душой. Без всяких там мыслей плохих, чтоб на сердце злобы не было. И – главное: без всякой личной для себя корысти. Единственно – от собственной смерти можно. Но – один раз только! Иначе – худо будет. Догонит смертушка тебя. И не только тебе, но и близких твоих, и друзей-товарищей... И ту же Настюху мою – ведь теперь она с тобою связана крепче любого родства. Так-то вот...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.